

УДК 930.23

С. В. Любичанковский**Высшая государственная власть России XVII века в оценке Г. К. Котошихина**

В статье содержится систематизированный обзор взглядов крупного чиновника середины XVII века Г. К. Котошихина на высшую государственную власть Московского царства. Проанализированы его оценки царской власти, Боярской думы, Ближней думы, Земского собора. Выявлена позиция, касающаяся состава высшего слоя управляющей элиты России в XVII веке. Показан потенциал использования его работы в преподавании.

Ключевые слова: Московское царство, высшая государственная власть, Котошихин, государственный аппарат.

Проблема власти всегда интересовала российское общество. В зависимости от обстановки менялась лишь острота ее восприятия, но никогда она не снималась с повестки дня. В свете современной, продолжающейся уже более двадцати лет, реорганизации государственной машины любые исследования по истории государственной власти России становятся особенно актуальными, поскольку позволяют ознакомиться с накопленным опытом государственного строительства в нашей стране.

Адекватное понимание исторической реальности, особенно далеких времен, возможно только на базе изучения различных исторических источников и сопоставления содержащейся в них информации. Необходимым компонентом системы исторических источников являются свидетельства современников, то есть тех лиц, которые непосредственно наблюдали функционирование того или иного объекта действительности, в данном случае — аппарата государственного управления. Ведь негативные или какие-либо иные факты его деятельности вполне могли и не найти отражения в официальных документах, но быть отмеченными современниками.

Данная статья представляет собой попытку внести вклад в изучение высшей государственной власти России XVII века путем анализа одного из таких источников — сочинения о России Григория Карповича Котошихина, написанного в 1666—1667 гг. в Швеции. Этому сочинению автор не дал названия, а сейчас его принято называть «О России в царствование Алексея Михайловича» [9].

Данные, приведенные Г. К. Котошихиным, активно использовались представителями исторической науки: С. К. Богоявленским, В. И. Бугановым, С. Б. Веселовским, Н. Ф. Демидовой, И. Забелиным, А. К. Леонтьевым, А. Г. Маньковым, А. М. Сахаровым, Л. В. Черепнинным и т.д. Однако каждый из этих авторов использовал сочинение Г. К. Котошихина только в той его части, которая касалась интересующей его проблематики: истории Москвы [1; 7], истории приказов [2; 10; 13], истории классовой борьбы [3; 14], истории чиновничества [4; 5], истории русского быта [6], истории отечественного законодательства [11; 15], истории Земских соборов [16]. Отсутствуют исследования, авторы которых ставили своей целью изучить взгляды Г. К. Котошихина в комплексе, а не только использовать их в качестве иллюстрации. Между тем в работе этого крупного чиновника среднего звена представлен именно комплексный взгляд на структуру государственного аппарата современной ему России.

В сочинении Г. К. Котошихина дана подробная характеристика учреждений и должностных лиц, составляющих высшее звено государственной машины. Она содержится в

© Любичанковский С. В., 2014

главе I «О царях, о царицах, о царевичах, о царевнах» [9, с. 22—43] и главе 2 «О царских чиновных и всяких служилых людях» [9, с. 44—56].

Абсолютно естественно, что в первую очередь Г. К. Котошихин останавливается на рассмотрении царской власти. Интересно, что в первой главе автор сосредоточился на описании происхождения (то есть законности нахождения на престоле) Алексея Михайловича и основных этапов его личной жизни — как тех, которые уже состоялись (например, свадьба, рождение детей [9, с. 29—36, 37—40]), так и предполагаемых (смерть и погребение [9, с. 41—43]). Тем не менее ряд сведений по этой проблематике, изложенных Г. К. Котошихиным, имеет непосредственное отношение к рассматриваемым в данной работе проблемам.

Во-первых, Г. К. Котошихин объяснил, почему царские сестры и дочери живут «яко пустынно», то есть их нельзя выдавать замуж за «государства своего... князей и бояр». Причина в том, что «князи и бояре их есть холопы... и то поставлено в вечный позор, ежели за раба выдать госпожу» [9, с. 36]. Этот факт находит подтверждение и в той части сочинения Г. К. Котошихина, где речь идет о письменных сношениях царя со своими служилыми людьми: последние должны подписываться «холоп твой Янка Черкаской, Ивалико Воротынской... челом бьет; а княжеством ся не пишут и чину своего не поминают» [9, с. 151]. Единственное исключение в этом правиле составляло духовенство: не только патриарх и митрополиты, но и «простые чернцы и черницы, и попы пишутся к царю и к царице, и к царевичам, и к царевнам во всяких писмах целыми своими именами и чинами» [9, с. 152]. Таким образом, Г. К. Котошихин считал нужным подчеркнуть значительный разрыв в положении царя и его подданных.

Во-вторых, Г. К. Котошихин отметил чрезвычайно щепетильное отношение к этикету в отношении особы царя. Так, например, бояре и другие «ближние люди», если опоздают приехать по вызову царя, должны были ему «кланятца в землю многожды, доколе простит» [9, с. 50]. Даже бояре не имели права подъехать к царскому крыльцу на лошади или в карете. «Стольники меньших родов и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и жилцы, и иноземцы, и подьячие приезжают в город и с лошадей слезают далеко царского двора, на площади» [9, с. 52]. Если же какой-либо человек, «боярин или кто-нибудь учинил... чтобы на царский двор ехал на лошади», даже пусть при этом самого царя не будет дома, то такого человека ждала тюрьма [9, с. 50—51]. Таким образом, закон всячески поддерживал особое положение царя в российском государстве. Интересно, что современный историк Б. Н. Миронов на основании изучения других источников пришел к аналогичному выводу: царь в XVII веке — это прямой представитель Бога на земле. Лишь 8(18) июля 1680 года, уже после смерти Г. К. Котошихина, в России был издан царский указ, который предписывал в челобитных вместо «чтобы он Великий Государь пожаловал, умилился, как Бог» писать «для прилучившагося котораго наставшего праздника и для Его Государского многолетнего здравия» [12, с. 117—118]. Иными словами, в современной Г. К. Котошихину России самодержца прямо сравнивали с Богом, причем это предлагалось делать официально. Неудивительно поэтому и такое трепетное отношение ко всем связанным с ним ритуалам, обычаям.

В-третьих, Г. К. Котошихин отметил, что наказание за нарушение правил поведения по отношению к царской особе было весьма суровым. Так, автор утверждает, что если бы человек «пошел через царский двор с ружьем, с саблею или с пистолми... с простоты, а не с умыслом злым», то его все равно пытали бы [9, с. 51]. При этом если бы человек сознался, что имел намеренье «погубити» царя, его родных или приближенных, то его, «пытав накрепко трижды, впрямь ли он шел своим умыслом, а не по научению, казнят смертью, безо всякие пощады, кто б ни был». Если бы под пыткой схваченный человек

сказал бы, что он действовал по заданию других лиц, то «на кого он скажет, тех людей всех велят похватати и пытати» [9, с. 51]. И даже если в ходе последующих пыток окажется, что их оговорили, их освободят только при наличии «поручных записей» от свободных людей [9, с. 51—52]. Видный специалист по истории политического розыска до революционной России В. В. Измозик, проанализировав нормы «Соборного Уложения» 1649 года, пришел к выводу о том, что смертной казни с конфискацией всего имущества подвергались даже те, кто только замыслил какие-либо действия против государя. Более того, Уложение обязывало всех российских подданных доносить властям о политических преступлениях. Те же, кто «про такое дело ведал, а не известил», тоже карались смертной казнью [8, с. 71].

Итак, Г. К. Котошихин зафиксировал в своем сочинении значительный разрыв в правовом положении царя и его подданных, даже самый знатный из которых именовался официально «холоп» (исключение составляли представители духовенства). Все это подтверждается описанным Г. К. Котошихиным чрезвычайно щепетильным отношением россиян к этикету в отношении особы царя, которое напоминало религиозный ритуал. Любые (даже не доказанные в полной мере) нарушения правил поведения по отношению к царю и его семье карались пытками и смертной казнью. Изложенная информация находит подтверждение в других источниках, проанализированных современными историками.

Было бы неправильно считать, что Г. К. Котошихин, характеризуя систему высшей власти России, остановил свое внимание только на царе. Много места в его сочинении уделено Боярской думе.

Во-первых, Г. К. Котошихин дает классификацию окружающих царя лиц, которые составляли механизм высшей государственной власти:

1. Бояре — князья Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Это те лица, которые вели свое происхождение от потомков князей из рода Рюрика или Гедимины, от удельных князей [9, с. 44].

2. Окольничьи — князья Куракины, Долгоруковы, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Бярятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Представители этих родов «болши тое чести не доходят». Почему? Г. К. Котошихин прямо отвечает: это «добрые и высокие роды, только еще в честь не пришли... за недослужением» [9, с. 44].

3. Думные дворяне.

4. Думные дьяки — число не более четырех. Состав — «из дворян и из гостей, и ис подьячих». Далее Г. К. Котошихин делает очень важное уточнение: из числа думных дьяков посольский дьяк, «хотя породю бывает менши, но по приказу и по делам выше всех» [9, с. 45].

Выше эти группы, составляющие Боярскую думу, перечислены в порядке убывания степени знатности. Это проявлялось и на заседаниях думы, в порядке рассаживания рядом с царем: «бояре под боярами, кто кого породю ниже... околничие под боярами... под околничими думные дворяне потому ж, по породе своей, а не по службе; а думные дьяки стоят» [9, с. 45].

Во-вторых, Г. К. Котошихин отметил, что реальное значение того или иного члена Боярской думы не определялось «породю»: «А иные бояре, брады свои устава, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые» [9, с. 45]. В результате реальная власть сосредотачивалась в руках преимущественно думных дьяков. Именно они являлись главными докладчиками государственных дел и составителями решений думы.

Г. К. Котошихин зафиксировал в своем сочинении наличие такого органа власти, как Ближняя дума. Автор написал так: «А как царю мучится о чем мыслити тайно, и в той думе бывают... бояре и околничие ближние... которым приказано бывает приходить. А иные бояре и околничие, и думные люди в тое полату, в думу и ни для каких нибуди дел не ходят, разве царь укажет» [9, с. 46]. Таким образом, автор обратил внимание на то, что перед тем как рассматривать тот или иной вопрос на заседании Боярской думы, этот вопрос анализировался в узком составе особенно доверенных и близких царю людей. В Ближнюю думу входили не по «породе», а по принципу доверия царя. Бесспорно, это свидетельствует об уменьшении реального значения Боярской думы, о постепенном ее превращении в церемониальный довесок царской власти.

Г. К. Котошихин отметил также включенность правителей земель, вошедших в состав России, в правящий слой Московской Руси. Автор констатировал, что крещенные в православную веру князья сибирские, касимовские и др. «честию они бояр выше» [9, с. 48]. Им даны «поместья и вотчины немалые», их величают царевичами, как и их потомков [9, с. 48—49]. Однако при этом, отмечал Г. К. Котошихин, они лишены реальной власти: «А в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что... не обычаем тому есть, также и опасение имеют от них разное» [9, с. 49]. Таким образом, автор обратил внимание, что правящий слой подчиненных России военным путем территорий пользовался многочисленными льготами и привилегиями, бывшие независимые государи и после потери суверенитета считались знатнейшими людьми, выше бояр по «породе», приравнивались к царевичам. При этом реальной властью они, конечно, не наделялись из-за опасений развития сепаратизма.

Что касается Земских соборов, то сочинение Г. К. Котошихина отразило упадок этих учреждений. В рассматриваемой работе им не было посвящено не только специальной главы, но даже и отдельной статьи. Это ясно показывает, что автор не отводил Земскому собору серьезной роли в управлении страной. Единственное упоминание о Земском соборе содержится в статье 6 первой главы, в которой сказано, что после смерти царя Михаила Федоровича «бояре и околничие и думные люди и дворяне и дети боярские и гости торговые и всяких чинов люди и чернь, после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешнего царя» Алексея Михайловича [9, с. 25]. Здесь речь идет о Земском соборе 1645 года, утвердившем на русском престоле Алексея I (1645—1676 гг.) [16, с. 100].

Таким образом, в сочинении Г. К. Котошихина представлена целостная характеристика высшей власти России 3-й четверти XVII века. В нем указано на значительный разрыв в правовом положении царя и его подданных, даже самый знатный из которых по отношению к государю являлся «холопом». Царь считался представителем Бога, поэтому весьма щепетильным было отношение к правилам поведения в отношении него. Любое лицо, представлявшее хотя бы потенциальную угрозу самодержцу и его семье, сурово наказывалось. В сочинении Г. К. Котошихина указано на то, что царь правил совместно с Боярской думой, куда в соответствии с «породой» входили 4 группы лиц. Наименее знатной, но наиболее влиятельной группой были думные дьяки. Принцип «породы», который часто противоречил принципу способности принимать решения, компенсировался наличием Ближней думы, куда входили только те лица, на которых «указал» царь. В сочинении Г. К. Котошихина отражено падение реального значения Земских соборов. В этой книге отмечено, что правители территорий, присоединенных к России, получали для себя и своих потомков ранг царевичей и соответствующие этому титулу почести. К реальной власти при этом они не допускались. Изложенная Г. К. Котошихиным информация находит подтверждение в других исторических источниках. Это позволяет

ретроспективно оценить сочинение Г. К. Котошихина (в части, касающейся высшей государственной власти) как непредвзятое. При этом оно написано колоритным языком, хорошим литературным стилем, что делает рассматриваемую работу удобным пособием для преподавания.

Список использованных источников и литературы

1. Богоявленский С. К. О Москве XVII века. М. : Наука, 1980. 445 с.
2. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М. : ОГИЗ, 1946. 303 с.
3. Буганов В. И. Восстание 1662 года в Москве. М. : Наука, 1964. 227 с.
4. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. : Мысль, 1975. 300 с.
5. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М. : Изд-во МГУ, 1987. 405 с.
6. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : Мысль, 1990. 340 с.
7. Забелин И. История города Москвы. М. : Мысль, 1990. 420 с.
8. Измозик В. Политический розыск в XVII веке // Жандармы России. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 69—89.
9. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000. 272 с.
10. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М. : Изд-во МГУ, 1961. 290 с.
11. Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс федерального права России. Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. 285 с.
12. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 568 с.
13. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М. : Наука, 1969. 351 с.
14. Смирнов И. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М. ; Л. : ОГИЗ, 1947. 627 с.
15. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М. : Наука, 1961. 629 с.
16. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. : Наука, 1978. 238 с.

Поступила в редакцию 03.08.2014 г.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 930.23

S. V. Lyubichankovskiy

Supreme power in Russia of the XVII century according to G. K. Kotoshikhin

The paper contains the survey of the views given by the important official of mid XVII century, G. K. Kotoshikhin, of the supreme power in Moscow tsardom. The author analyzes Kotoshikhin's opinion of the so called Tsar, Council of boyars, Blizhnyaya дума (the tsar council), zemsky sobor (Assembly of the Land). His position concerning the structure of the upper class of Russian management elite in the XVII century is revealed. The paper also shows the practical potential of his book for teaching.

Key words: Moscow tsardom, supreme power, Kotoshikhin, government machine.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru